

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНФЛИКТА ФОРМ ПРОЦЕССА

Несмотря на то что регламентированное нормами гл. 44 УПК Республики Беларусь производство по делам частного обвинения достаточно давно привлекает внимание ученых, оно до сих пор не имеет однозначного определения своих институциональных основ и перспектив развития в будущем. И.Я. Фойницкий видел в нем старейшую форму обвинения, сохраненную за частным лицом, которая дает удовлетворение чувству обиды потерпевшего вследствие содеянного против него и его близких преступления – чувству, которое гарантирует надлежащую со стороны обвинителя энергичность в преследовании. М.С. Строгович отождествлял его с формой уголовного преследования, которое возбуждается исключительно по жалобе потерпевшего, осуществляется им самим и подлежит прекращению в любой стадии процесса в случае примирения с обвиняемым. В настоящее время Н.М. Букаев и А.Л. Карякин рассматривают его как правовой институт. Как деятельность, протекающую в определенной процессуальной форме, определяет это явление А.В. Самко. Л.И. Кукреш подчеркивает частно-исковой характер производства по делам частного обвинения. Несмотря на внимание ученых, анализируемое явление традиционно признается одним из наиболее проблемных в вопросах нормативной регламентации, правовой определенности своих положений, а самое главное – с точки зрения обеспечения права потерпевшего на доступ к правосудию. Как следствие, в профессиональной среде все настойчивее звучат предложения по кардинальной реформе этого института вплоть до его упразднения из ткани уголовно-процессуального закона с последующей унификацией уголовно-процессуального порядка обвинительной деятельности по уголовным делам.

В чем же причина сложившейся ситуации? Попытаемся высказать несколько соображений на данный счет. Одним из фундаментальных направлений развития науки уголовного процесса является исследование вопроса о процессуальной форме. Анализ научных работ показывает, что, с одной стороны, к настоящему времени нет единого мнения о сущности и объеме указанного понятия, а с другой стороны, ученые-процессуалисты сошлись во мнении о необходимости существования единой (ординарной) формы производства по материалам и уголовным делам с возможностью ее дифференциации на упрощенные и усложненные производства. При этом производство по делам частного обвинения многие начали рассматривать как разновидность именно упрощения процессуальной формы. Так, Ю.А. Иванов утверждал: «Но есть и другая группа дел, по которым возможно упрощение и ускорение досудебной подготовки материалов. Это касается преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а также преступлений, относительно несложных с точки зрения установления обстоятельств их совершения. Конкретно имеются в виду: особенности возбуждения и судебного рассмотрения дел частного и частно-публичного обвинения...». Аналогичную позицию в настоящее время занимают исследовавшие вопросы уголовно-процессуальной формы на монографическом уровне Д.Р. Зинатуллин и Д.Р. Гимазетуллин и др.

Мы же исходим из того, что рассмотрение производства по делам частного обвинения как разновидности упрощения ординарной формы процесса ошибочно и во многом является причиной тех проблем, которые имеются с данным институтом. Именно такой подход ведет к тому, что многие положения гл. 44 УПК «Производство по делам частного обвинения» являются несовершенновыми, характеризуются неопределенностью и носят противоречивый характер. И здесь можно отметить проблему неурегулированности порядка и момента возбуждения уголовного дела частного обвинения, которая даже после появления постановления Пленума Верховного Суда «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» не утратила своей актуальности. Так, в ст. 425 УПК говорится о том, что порядок производства по уголовным делам частного обвинения о преступлениях, перечисленных в ч. 2 и 3 ст. 26, определяется общими правилами УПК, за изъятиями, установленными гл. 44 УПК. Выражение «за изъятиями» в контексте данной нормы необходимо понимать как исключения или особые правила, но никак не упрощения. Логично эти специальные нормы применять как вместо (*lex specialis derogate generali*), так и в дополнение к общим правилам УПК. Сложность заключается в том, что в случае с частным обвинением правоприменитель сталкивается с серьезной проблемой корректного соотношения и применения общих и специальных норм. Например, что должно быть указано в заявлении о возбуждении дела частного обвинения, по каким основаниям суд вправе отказать в его приеме? Ни специальные, ни общие нормы не могут дать удовлетворительного и конкретного ответа на данный счет. Разъяснения Пленума Верховного Суда окончательно не исправляют ситуации, вынуждая правоприменителя самостоятельно заниматься интерпретацией текста закона. Подобная ситуация возможно выглядела бы удовлетворительной для какой-либо зарубежной, но никак не отечественной процессуальной системы, где уголовно-процессуальная форма в силу традиций стремится максимально уйти от неопределенности своих предписаний. Аналогичные проблемы наблюдаются и в Российской Федерации, где Конституционный Суд вместо однозначного ответа по проблематике частного обвинения принимает решение о том, что «правила ст. 24 УПК РФ и ст. 319 УПК РФ не устанавливают разрешения конкуренции между соответствующими общими и специальными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указанные вопросы подлежат разрешению в процессе правоприменения судами общей юрисдикции с учетом совокупности норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации...». Представляется, что использование специальных норм как метода юридической техники является удачным и эффективным тогда, когда они имеют тесную и ясную связь с общими правилами, когда их использование не вызывает дополнительных вопросов. В случае с частным обвинением этого объективно не наблюдается. Практически каждое положение гл. 44 УПК порождает вопросы о возможности, необходимости и порядке применения той или иной нормы общего правила. Налицо своеобразный эффект их «забвения». Прочтение гл. 44 УПК создает впечатление проблемного, но вместе с тем самодостаточного и специфичного производства,

утрачивающего непосредственную связь с основной формой процесса. Думается, что именно для исправления описанной ситуации в постановлении Пленума Верховного Суда «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» судам фактически напоминает о необходимости применения общих правил, когда говорится о том, что частный обвинитель не лишен права изменить обвинение на более тяжкое, а суд вправе наложить арест на имущество обвиняемого и т.д.

Подводя итог, важно осветить основной тезис нашей работы: на самом деле производство по делам частного обвинения есть не пример дифференциации основной формы процесса и не просто совокупность специальных норм, которые в определенных случаях применяются вместо или в дополнение к существующим общим правилам, а отличная и самостоятельная форма организации процесса, которая имеет частно-исковую природу и характер. Именно по этой причине мы наблюдаем те сложности и проблемы, о которых говорилось выше, так как невозможно успешно соединить и реализовать в одном производстве общие правила, источник которых – розыскная (следственная) форма процесса и специальные нормы, чья природа находится в обвинительном (частно-исковом) процессе.

УДК 343.985.7

А.А. Коловоротный

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ГРУПП ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовные дела об организации преступного сообщества связаны со сложностью расследования и большим объемом, что в соответствии со ст. 163 УПК РФ является основанием для поручения производства предварительного следствия следственной группе.

Расследование организации преступного сообщества требует от следователя дополнительного времени и сил на установление всех участников сообщества и их действительной роли в совершении преступлений. Следователь, как правило, сталкивается с противодействием расследованию: угрозами и подкупом потерпевших и свидетелей, созданием ложного алиби и другими действиями, направленными на противодействие расследованию.

Кроме того, сложность расследования определяется такими особенностями, как: значительное число обвиняемых, потерпевших, эпизодов преступной деятельности, большой объем доказательственной информации, необходимость назначения многих судебных экспертиз, а также необходимость производства следственных действий в различных городах и субъектах РФ.

Такие условия требуют усилий не одного, а нескольких следователей и поэтому при расследовании организации преступного сообщества необходимо применять групповой (бригадный) метод расследования сложных многоэпизодных дел. Только групповой метод расследования организации преступного сообщества позволяет одновременно производить следственные действия в разных местах и в отношении разных лиц. Это очень важно по тактическим соображениям, поскольку именно при такой организации расследования представляется возможным сократить процессуальные сроки, установить все обстоятельства совершенного преступления, преодолеть противодействие расследованию, не допустить сговора подозреваемых, обвиняемых, сокрытия вещественных доказательств и т. д.

Создание следственных групп для расследования организации преступного сообщества является необходимым условием быстрого, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. При этом качество предварительного расследования во многом зависит не только от самого факта создания следственной группы, но и от профессиональной подготовки, опыта и количества следователей, входящих в ее состав.

В ходе изучения материалов уголовных дел установлено, что продолжительность допроса одного члена преступного сообщества в среднем длится 3–4 ч. При этом 68 % респондентов отметили, что на подготовку к такому допросу у следователей уходит больше времени, чем на сам допрос. Следовательно, подготовка и проведение только одного допроса может занимать у следователя весь рабочий день. Производство других следственных действий и составление процессуальных документов по данным делам тоже занимает много времени.

На основании вышеуказанных научных разработок и следственной практики автором выделены и охарактеризованы типичные следственные ситуации, складывающиеся на момент создания следственной группы по уголовным делам об организации преступного сообщества, применительно к ним разработан комплекс научно обоснованных рекомендаций по их формированию для наиболее эффективной организации расследования данных преступлений. При этом разработаны как общие рекомендации по формированию следственных групп (для каждой следственной ситуации), так и рекомендации применительно к ситуациям, выделенным по следующим основаниям:

известно о преступном сообществе (преступной организации), но недостаточно информации о количестве его (ее) членов, эпизодов их преступной деятельности, а также других данных, необходимых для определения степени сложности расследования и объема предстоящей работы;

информации о преступном сообществе (преступной организации) достаточно для определения степени криминалистической сложности расследования и объема предстоящей работы;

имеется информация о совершении членами преступного сообщества (преступной организации) преступлений, подследственных разным следственным органам.